

ПСИХОЛОГИЯ
ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

СМЫСЛОВАЯ СФЕРА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ,
СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

© 2002 г. И. А. Кудрявцев*, О. Ф. Семенова**

* Доктор психол. наук, доктор мед. наук, профессор, руководитель лаб. психологии
ГНЦ соц. и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва

** Канд. психол. наук, ст. научный сотрудник
Института психотерапии и клинической психологии, Москва

С помощью техники репертуарных решеток исследована смысловая сфера, ценности у несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные правонарушения, а также у психически здоровых подростков с нормосообразным поведением. Проведен сравнительный психосемантический анализ полученных результатов.

Выделены структурно и содержательно отличающиеся семантические пространства у двух групп испытуемых, отражающие разные способы мировосприятия. Выявлены задержка развития смысловой сферы, недостаточная нравственная зрелость несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами. Обнаружена просоциальность направленности развития подростков с нормосообразным поведением.

Ключевые слова: конструкт, семантическое пространство, смысловая сфера, ценностные ориентации, несовершеннолетний.

В последнее время на фоне социально-экономических перемен, обострения общественных противоречий происходит утрата жизненных смыслообразующих идеалов и изменение ценностей в общественном и индивидуальном сознании. На этом фоне возрастает и социальная дезадаптация лиц подростково-юношеского возраста в форме делинквентного (противоправного), криминального поведения [6, 15, 20]. За последние 10 лет преступность среди несовершеннолетних выросла примерно в 2 раза [19]. Наиболее тяжелой формой криминального поведения являются насильственные, агрессивные преступления, нацеленные на причинение вреда другой личности [5].

Ряд психологических работ посвящен исследованию истоков агрессивного, в том числе и криминального поведения. К социальным причинам насильственного поведения подростков относятся фрустрация базальных потребностей; отвергающее или враждебное отношение к ним со стороны матерей, начиная с младенческого возраста; усвоенные паттерны поведения, жестокие по сути, но являющиеся по мнению подростков эффективными; педагогическая запущенность; трудности социальной адаптации в коллективах, сочетающиеся зачастую с поисками признания в альтернативных асоциальных группах, одобряющих агрессивное поведение [5, 7, 17, 29, 30]. Биологическим фоном, на котором существует подростковая делинквентность, являются: высокая частота различных психических аномалий, достигающая 40–60%; ослож-

ненные роды; органическая патология, проявляющаяся в основном через изменение когнитивного функционирования: снижение внимания, самоконтроля при росте импульсивности; инстинкты, детерминирующие агрессивность (5, 15).

Вместе с тем, в работах, посвященных раскрытию причин агрессивной деформации личности несовершеннолетних, практически неисследованной оказалась смысловая сфера личности с ее ядром, высшей устойчивой структурой – системой ценностей [8, 14]. Но именно знание этих базовых характеристик необходимо для профилактики насильственных преступлений и проведения направленной психокоррекции поведения юных правонарушителей. Они должны быть закреплены и в рамках норм современного уголовного законодательства, касающихся принудительных воспитательных и лечебно-воспитательных воздействий [10, 11, 22]. И хотя система ценностей у подростков-правонарушителей характеризуется некоторыми авторами как “делинквентная” [16], ее содержательное наполнение фактически не изучено, поскольку зависит непосредственно от конкретной личности.

Соответственно этому, *целью* нашего исследования явилось изучение особенностей смысловой сферы (преимущественно ценностей) несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные правонарушения.

Определяя методологические подходы нашего исследования, мы исходили из положения о соци-

альной природе преступности, в генезисе которой биологические факторы играют роль предпосылок, облегчающих и/или модифицирующих ее развитие, оказывая свое опосредующее влияние через дефицит когнитивных функций [13]. Поскольку общественное и индивидуальное сознание и самосознание структурируются ценностными ориентирами, то именно их изучение являлось для нас приоритетным. При интерпретации полученных результатов мы сочли возможным не акцентировать внимание на характере органических психических расстройств, присущих исследованному несовершеннолетним обвиняемым. Этому способствовали следующие соображения и обстоятельства.

А. Фундаментальное положение патопсихологии о том, что органические дефекты психики, идущие от биологических особенностей болезни, не отменяют общие закономерности психической деятельности, но лишь сужают их, изменяют диапазон социального функционирования [4, 9].

Б. Благодаря проведенной судебной психолого-психиатрической экспертизе по каждому испытуемому-правонарушителю было сделано заключение об отсутствии существенного влияния установленной органической патологии на отражательные и регулятивные функции их сознания.

В. При осуществлении экспериментальных исследований в зарубежной психологии считается возможным создавать выборки на основе так называемой “недифференцированной общей группы” с игнорированием наличия у ее испытуемых пограничных психических расстройств.

Г. Существенным отличием нашей работы явился идеографический подход к диагностике личности, понимаемой в данном случае как особая уникальная целостность, а не как некая совокупность общих закономерностей и универсальных характеристик, что присуще номотетической психодиагностике [3, с. 49–88; 23]. И если второй подход предполагает рассмотрение личности с помощью изначально стандартизированных методов с заданными координатами, шкалами, то первый делает акцент на неповторимости отдельной личности, обнаруживая ее характеристики у самого субъекта. И поскольку “смысловая регуляция конституирует личность” в целом [14, с. 443], то любые особенности субъекта так или иначе будут опосредованно представлены в семантике сознания. Поэтому и влияние органической патологии наших испытуемых на их смысловую сферу будет носить опосредованный характер, являя собой лишь особый биологический фон.

Д. В практике психологической лаборатории ГНЦ С и СП им. В.П. Сербского почти не присутствуют психопатологически неотягощенные несовершеннолетние обвиняемые, что связано с направленным отбором в экспертный стационар лиц, наиболее сложных для диагностической и экспертной оценки.

В настоящем исследовании была выдвинута следующая *гипотеза*: механизм организации/включения в насильственный криминал и поведения в нем зависит от мировоззрения подростка-правонарушителя, определенного способа восприятия им реальности. А это восприятие отличается узостью выбора просоциальных и удовлетворяющих субъекта выходов из проблемных ситуаций, что не характерно для психически здоровых подростков с нормосообразным поведением.

МЕТОДИКА

Объектом исследования стали 94 несовершеннолетних обоного пола, средний возраст – 15,7 лет. Из них 46 человек составили основную группу испытуемых с психическими расстройствами, привлеченных к уголовной ответственности за совершение насильственных правонарушений. В 87% случаев это – убийства. Почти 80% испытуемых этой группы страдали психическими расстройствами в форме органического поражения головного мозга. Все испытуемые обследовались в процессе прохождения ими судебной психолого-психиатрической экспертизы в ГНЦ С и СП им. В.П. Сербского. В контрольную группу вошло 48 человек подросткового и юношеского возрастов с просоциальным поведением без психической патологии.

При проведении психосемантического анализа специфических особенностей структуры сознания нами была использована идеографическая техника репертуарных решеток Дж. Келли. В ее основе лежит идея о наличии в индивидуальном сознании некоего до конца неосознанного субъектом “семантического стереотипа восприятия реальности”, детерминирующего выбор “индивидуально-оптимального поведения” с определенным индивидуальным стилем реагирования [8, с. 184; 21, с. 151]. Центральной задачей техники является реконструкция, во-первых, реальных используемых испытуемым способов оценивания определенных объектов (осей координат пространства), и, во-вторых, местоположения этих объектов (их координат по соответствующим осям) в реконструированном пространстве [21, 25]. Двумя достоинствами избранной техники являются: возможность преодолеть проблему неосознаваемости определенного значения за счет его выражения в системе других значений; самостоятельность испытуемых при формировании содержания шкал-измерений [18, с. 70].

Структура и содержание индивидуального сознания при использовании этого метода изучаются через построение индивидуального семантического пространства. Данная процедура состоит из трех поэтапных шагов: 1) определение элементов – группы объектов исследования. Выделение конструктов (биполярных шкал для оценки объектов), семантических связей выбранных объектов и построение матрицы их сходства (расстояний) [18, с. 68; 23, с. 16; 25, с. 46]; 2) математическая обработка полученной матрицы с целью получения новой структуры организации полученных данных – семантического пространства – для удобства осмысления; 3) интерпретация выделенных структур (факторов, кластеров) путем нахождения смысловых инвариантов, объединяющих шкалы, объекты факторов, кластеров.

1 шаг. В связи с тем, что мы исследуем смысловую сферу несовершеннолетних, которая обуславливает их поведение (в том числе и криминальное), то в качестве оцениваемых элементов были выбраны сам подросток-правонарушитель и люди из его преимущественно ближайшего окружения: я сейчас; я через 10 лет; я до правонарушения; мама (или та, кто ее заменяет); папа (или тот, кто его заменяет); взрослый, который нравится мне больше других; друг (подруга); потерпевший (потерпевшая); плохой человек с моей точки зрения; идеальный человек с моей точки зрения. Создание перечня конструктов строилось поэтапно: сначала проводилось выявление у обследуемых лично значимых конструктов

методом триад [23, с. 47], а затем – отбор из них наиболее значимых (часто встречающихся). В результате был получен следующий список конструкторов:

счастливым	– несчастливый
добрым	– недобрый, злой
хорошим	– плохой
справедливым	– несправедливый
спокойным	– вспыльчивый, нервный
умным	– глупый
может убить	– не может убить
больше любит драться, бить других	– миролюбивый
считает, что надо мстить за обиду, оскорбление	– считает, что надо прощать обидчика
считает: в жизни главное – стать крутым, чтобы тебя боялись	– считает: главное – любовь, доверие окружающих
ради денег, вещей может физически навредить человеку	– не может причинить физические страдания ради денег, вещей
хочет стать лучше	– не хочет меняться
работает, учится	– развлекается, не работает, не учится
нравится мне	– не нравится мне
может оскорбить, унижить, обозвать другого	– уважает других
чаще соблюдает общие правила	– чаще выбирает и делает, что хочется
имеет плохую семью, где ссорятся, пьют	– имеет хорошую, мирную семью
физически сильный, мощный	– физически слабый
смелый	– часто боится
если кого-то обидел – переживает, стыдится	– не переживает из-за этого, не стыдится
ему часто хочется ломать что-либо, бить, рвать	– почти не испытывает таких желаний
считает: если сознаться в плохом поступке, станет легче	– считает: про свои плохие поступки лучше никому не говорить
молодой, подросток	– взрослый
мужского пола	– женского пола
считает, что выпивать – приятно	– не любит выпивать
считает: принимать наркотики (нюхать хим. вещества) приятно	– считает, что это неприятно
хочет работать, иметь хорошее образование	– считает: без работы, образования можно хорошо жить
считает: животных не следует бить, обижать	– считает, что животных можно бить
ко мне хорошо относится	– ко мне плохо относится
считает: за преступление надо наказывать	– считает: за преступление лучше прощать
считает: после преступления будет наказание	– считает: наказания чаще всего можно избежать
может совершить преступление	– не может его совершить

Эксперимент проводился с помощью оценочной решетки – разновидности репертуарной. Задача испытуемого состояла в оценивании каждого из элементов по 7-балльной шкале, заданной двумя полюсами конструктора.

2 шаг. Обработка результатов проводилась с помощью компьютерной версии программы “Келли” (авторы В.И. Похилько, Н.Н. Страхов). Данные, полученные на 1 шаге, были подвергнуты факторному анализу с использованием метода главных компонент с последующим варимакс-вращением и кластер-анализу по модульным значениям коэффициентов корреляции. Это необходимо для реконструкции “вторичных” пространств, т.е. анализа структуры скрытых (неосознаваемых) способов оценивания объектов.

3 шаг. Интерпретация выделенных структур дается ниже.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

За счет **факторного анализа** были получены семантические пространства у двух групп испытуемых: трехфакторная структура, объясняющая 91.5% общей дисперсии (рассеивания, отклонения от среднего) результатов у 1-й группы, состоящей из подэкспертных, и 96.6% – у 2-й (контрольной) группы.

Для обеих групп испытуемых наиболее значимой, информативной является *первая ось (или главная компонента) семантического пространства F1* с максимальным весом фактора, объясняющая у 1-й группы – 74%; у 2-й группы – 85% всей информации (рис. 1, 2). Это первое измерение мы назвали “Оценка”. Примечательно, что аналогичный фактор был выделен в многочисленных психосемантических исследованиях [2, 12, 27].

Рассмотрение конструкторов, расположенных на полюсах первой смысловой образующей, позволяет сделать вывод о том, что она отражает социально обусловленные нравственные представления большинства людей. Через оценки и предписания ребенок на доступном ему уровне усваивает моральные суждения, превалирующие в обществе, и их связь с собственными переживаниями “приятно-неприятно” (соответствующие в нашем эксперименте конструкторам “нравится мне”, “ко мне хорошо относится”). Следствие этого: понятия “добро – зло”, “хорошо – плохо” начинают служить ориентирами, критериями для собственных оценок ребенка.

Интересным представляется отличие, обнаруженное по второму измерению в обеих группах. *Ось F2 семантического пространства* объясняет у первой группы 11% дисперсии, а у второй: 6.5%. Эту ось для 1-й группы мы назвали “ценности”, а для 2-й – “полоролевое определение”.

У 2-й группы вторая ось задается на отрицательном полюсе конструкторами “физически сильный” и “мужского пола”, в некоторой степени коррелирующими со шкалой “смелый”. Положительный полюс не задан какими-либо конструкторами и, таким образом, его можно охарактеризовать противоположными полюсами указанных конструкторов, т.е. “физически слабый”, “женского пола”, коррелирующими с параметром “часто боится”. Представленность данной области в смысловом поле испытуемых отражает высокую значимость для лиц подросткового и юношеского

возрастов психосексуального развития с присущими ему формирующимися представлениями о половых различиях и новых социальных ролях.

Вторая ось у 1-й группы – подэкспертных испытуемых задается отрицательным полюсом, на котором расположены конструкты “физически сильный, мощный”, “счастливый”, “смелый”, коррелирующие в малозначимой степени со шкалой “умный”. Положительный полюс оси задан конструктом “имеет плохую семью, где ссорятся, пьют”. То есть испытуемые с криминальным поведением связывают представления о счастье в первую очередь с физической силой и смелостью, а отчасти – с наличием “хорошей, мирной семьи”. На основании этого можно говорить о том, что для испытуемых 1-й группы является высоко значимым культ физической силы в сочетании со смелостью, ценность же “ума” отодвигается на второй план.

В свете выявленного факта определенной “примитивизации” и “дегуманизации” сознания несовершеннолетних правонарушителей особого внимания заслуживает семантика понятия “счастье”. Само по себе оно имеет нормативно-ценностный характер, т.е. не просто характеризует определенное положение или субъективное состояние человека, но чувственно-эмоционально отражает представления о собственной жизни реальной и идеальной. В этом контексте весьма настораживающим является отсутствие значимых корреляций понятия “счастье” с какими-либо моральными ориентирами, что отражает крайнюю недостаточность развития нравственного самосознания и высокую вероятность совершения асоциальных действий. Последнее обуславливается стремлением криминальных подростков к собственным целям (связанных в первую очередь с физической силой и могущим, по представлениям испытуемых, даровать счастье) без учета интересов окружающих в конкретной ситуации и общества в целом.

Данный вывод отнюдь не противоречит тому факту, что счастье у испытуемых 1-й группы в некоторой степени ассоциируется и с наличием хорошей, мирной семьи, где не ссорятся и не пьют. Во-первых, потому, что факторный вес конструкта “имеет плохую семью, где ссорятся, пьют” отражает не очень высокую его значимость. Во-вторых, семьи подэкспертных отличаются неблагоприятным социально-психологическим климатом, что становится более ярко выраженным при их сравнении с семьями испытуемых контрольной группы. Несовершеннолетние правонарушители имеют собственный жизненный, в основном эмоционально негативный опыт проживания в “плохой семье, где ссорятся, пьют”, что обуславливает, с одной стороны, эмоциональное неприятие подобного образа жизни, а также наличие

Рис. 1. Расположение конструктов в пространстве первой и второй главных компонент F1 : F2 (контрольная группа).

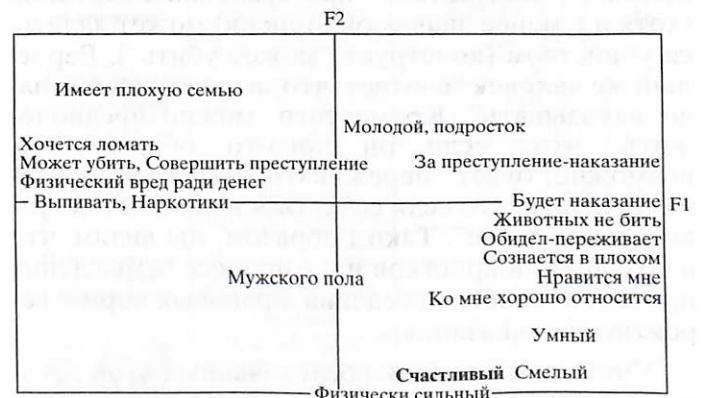

Рис. 2. Расположение конструктов в пространстве первой и второй главных компонент F1 : F2 (группа с криминальным поведением).

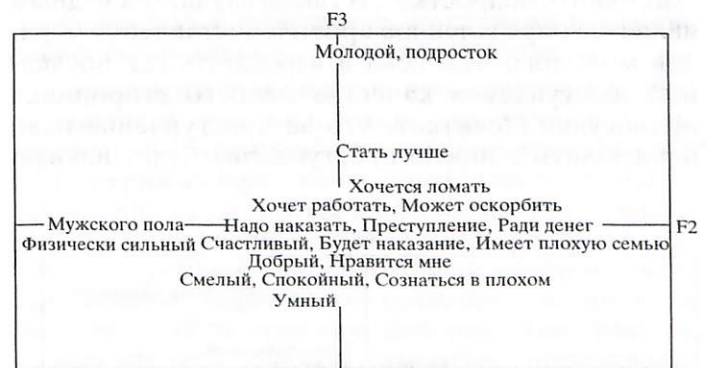

Рис. 3. Расположение конструктов в пространстве второй и третьей главных компонент F2 : F3 (контрольная группа).

декларируемых нормативно-нравственных представлений преимущественно на известном уровне (см. выше анализ первой главной компоненты). С другой стороны – не позволяет растущему в семье ребенку интериоризировать гуманные, просоциальные нормы поведения и стили коммуникаций.

Третья ось семантического пространства F3 у обеих групп названа нами “возрастные особенности” (рис. 3, 4). Она объясняет 6.5% информации у группы подэкспертных, 5% – у контрольной группы.

У обеих групп один из полюсов третьей ценностной оси задается конструктом “молодой, подросток”, соответственно, на противоположный полюс оси проецируется вторая составляющая этого конструкта – “взрослый”. Обратимся к семантическому пространству лиц с криминальным поведением (рис. 4). Следуя логике качественного анализа “молодого, подростка” преимущественно “мужского пола” можно обнаружить, что существует определенная вероятность “принятия им наркотиков, вдыхания химических веществ”, “совершения преступления”, которой (хотя и в менее значимой степени) может являться убийством (конструкт “может убить”). Взрослый же человек “считает, что за преступление надо наказывать”. Кроме того, можно предположить, что “если он кого-то обидел”, то, возможно, будет “переживать, стыдится”, а также “считать, что если сознаться в плохом поступке, станет легче”. Таким образом, мы видим, что в сознании подростков идет процесс осмысления противоправного поведения, правовых норм и вероятности наказания.

Учитывая, что 90% обследованных этой группы относят себя к молодым, подросткам, которые совершили преступления, являющиеся в 83% случаев убийствами, можно говорить о психологическом механизме проекции собственного восприятия и жизненного опыта на некоего абстрактного “молодого, подростка”. В таком случае очевидным является определенное противопоставление образов молодого человека и взрослого, где последний выступает в качестве некоего сторонника правосудия (“считает, что за преступление надо наказывать”, “после преступления будет наказа-

ние”), а также носителя нравственных норм – человека, способного к нравственной самооценке и регуляции собственного поведения на основе совести (“если кого-то обидел – переживает, стыдится”, “считает: если сознаться в плохом поступке, станет легче”). То есть если в настоящее время молодой человек, подросток принимает наркотики и может совершить преступление, но с течением времени он повзрослеет и не исключено, что станет соблюдать общие правила и сознаться в плохих поступках – для облегчения переживаний, связанных с чувством вины и совестью. Следовательно, на момент обследования несовершеннолетних правонарушителей их представления о нравственных нормах и связи последних с юридическими законами, существующими в обществе, остаются неинтериоризованными в полной мере, усвоенными лишь на уровне формального знания и, одновременно, экстраполированными как вовне – к более старшим по возрасту людям, так и во времени – в будущее. Это связано с тем, что в настоящем времени у подэкспертных выявляется отчуждение от “мира взрослых” и игнорирование знания о том, что каждому подростку предстоит повзрослеть. Данный этап морального развития можно охарактеризовать как недостаточную сформированность нравственного самосознания. Он соответствует преимущественно доконвенциональному уровню в понимании его Л. Колбергом, когда определяющее значение для выбора поступков человека и их оценок имеют последствия этих поступков, прежде всего, в виде наказания [1, с. 6; 26].

Итак, мы обнаружили различия двух исследуемых групп. Взрослый, с точки зрения контрольной группы, в большей степени характеризуется умом, а по мнению группы подэкспертных является сторонником осуществления правосудия. То есть в первом случае при оценке взрослого отмечается большее уважение к нему, а во втором – отчужденность от его морально-правовых взглядов и признание больших его полномочий. В целом, несмотря на отмеченные различия испытуемых разных групп, можно высказать предположение, что те и другие оценивают перспективу собственного развития, соглашаясь с определенными просоциальными ориентирами.

Используемые нами до сих пор конструкты являются “субординатными – конкретными, подчиненными” [23, с. 52], внешними, отражающими преимущественно поведенческий уровень. Благодаря же иерархическому кластерному анализу этих конструктов [рис. 5, 6, 7] была наглядно представлена структура связей между ними, позволяющая их типологизировать и выявить стоящие за каждым кластером “суперординатные” конструкты. Последние – это внутренние, базовые конструкты, отражающие восприятие человеком мира сквозь призму оценок им объектов;

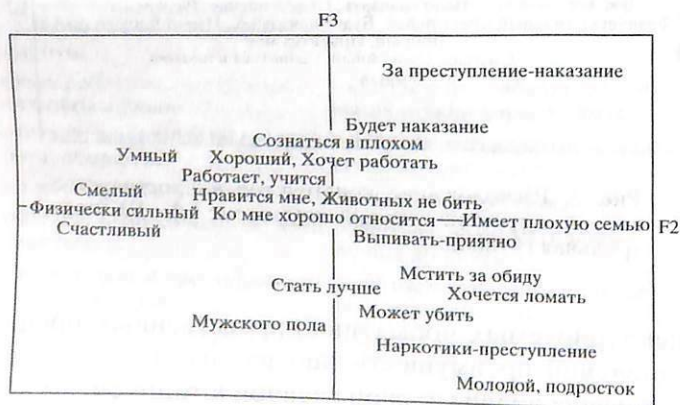

Рис. 4. Расположение конструктов в пространстве второй и третьей главных компонент F2 : F3 (группа с криминальным поведением).

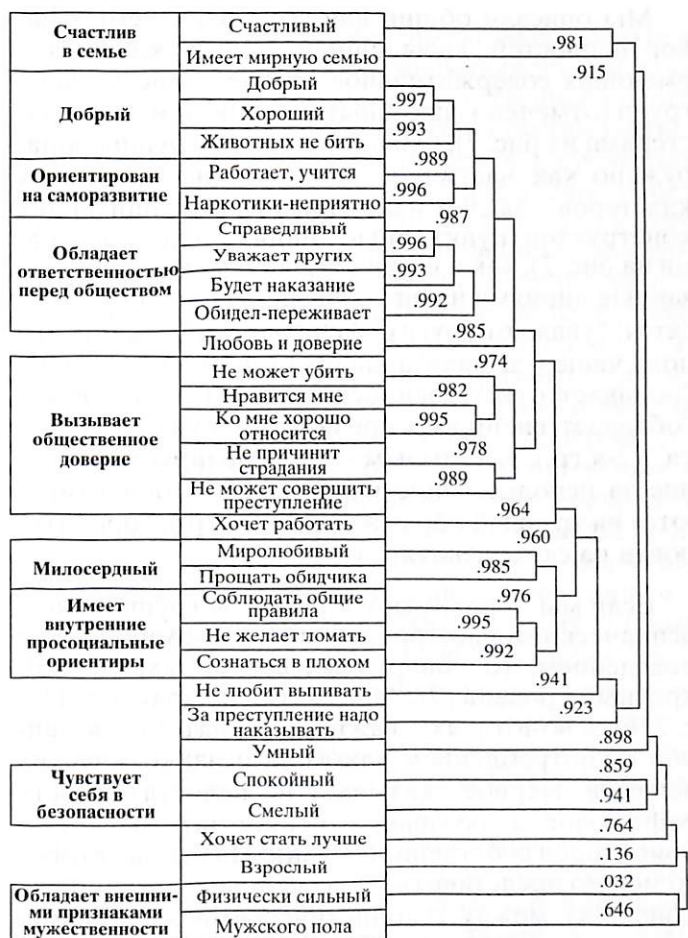

Рис. 5. Результаты кластер-анализа по модулю (контрольная группа).

т.е. это более глубинные, менее или вовсе неосознаваемые, обобщенные, “конструкты более высокого уровня абстракции” [23, с. 50], нежели субординатные.

Сравнение суперординатных конструктов двух групп позволяет провести определенные параллели между некоторыми из них. При этом выступают отличия по степени и, отчасти, по содержанию связи: на рис. 7 значимые связи изображены сплошной линией, менее значимые – пунктирной.

Выявленные суперординатные конструкты по сути своей являются ценностными ориентирами, к которым можно отнести счастье, доверие и чувство безопасности вообще и в семье, в частности, доброту, милосердие, просоциальность, уважение к людям, полоролевые особенности. Эти ценности жестко не связаны с официальной или альтернативными идеологиями, широко не пропагандируются и не рекламируются. Они основываются на общечеловеческих ценностях, отражают идеи альтруизма и личного счастья, связаны с повседневной жизнью и устремлениями людей. Именно данные ценности, как мы видим, структурируют

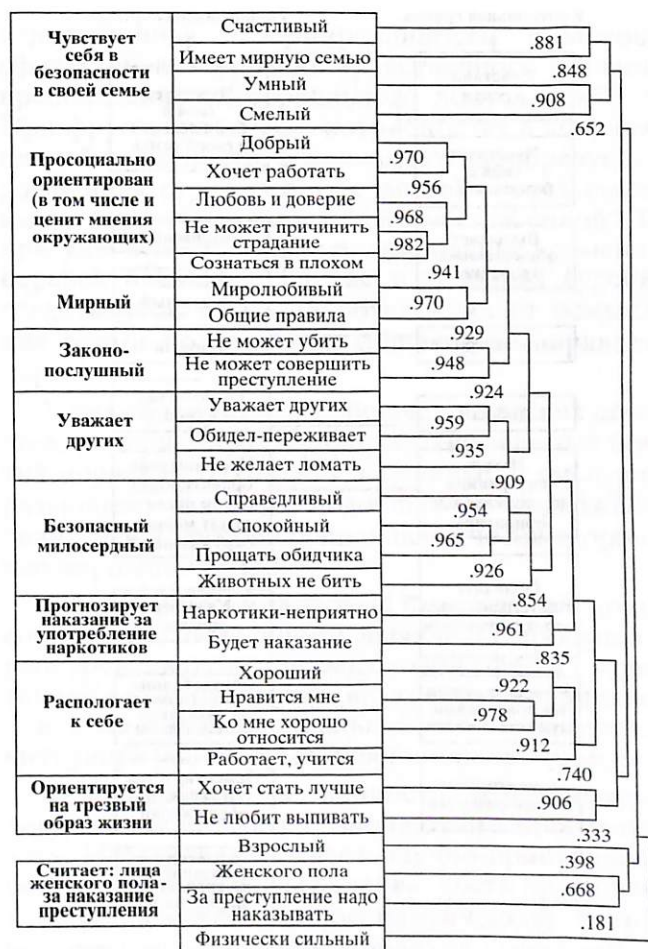

Рис. 6. Результаты кластер-анализа по модулю (группа с криминальным поведением).

сознание людей независимо от степени просоциальности-криминальности их поведения.

Рассмотрим выявленные при кластер-анализе взаимосвязи трех смысловых конструктов (“нравится мне”, “хороший”, “ко мне хорошо относится”), отражающие личностное положительное отношение испытуемых к другим людям. Учитывая те субординатные конструкты, которые совместно с указанными образовали суперординатные шкалы морального сознания “добрый” и “вызывает общественное доверие” (см. рис. 5), можно сделать вывод о симпатиях просоциальных обследуемых. Их положительное эмоциональное отношение вызывают альтруистически ориентированные люди, соблюдающие закон. Это свидетельствует о высоком положении в иерархии личностных ценностей тех из них, которые носят нравственный, гуманный характер, отражают бережное отношение к окружающему (и людям, и животным) и которые являются весомым внутренним препятствием для реализации вероятных деструктивных намерений.

У несовершеннолетних правонарушителей три указанных субординатных конструкта, свя-

Рис. 7. Суперординатные конструкты и их соответствия у двух групп.

занных с позитивным отношением к людям, объединены в одном суперординатном – “располагает к себе”, – куда помимо названных вошла и оценочная шкала “работает, учится”. Смысловые же конструкты правосознания – “не может убить”, “не может совершить преступление”, отмеченные у испытуемых контрольной группы, представляют собой глубинный конструкт “законопослушный”, который таким образом существует лишь на формально-знаемом уровне. То есть позитивное отношение к окружающему у несовершеннолетних с криминальным поведением не связано с составляющими морального, правового сознания, а коррелирует с наличием, в первую очередь, обязательной взаимной симпатии, а во вторую – с выполнением субъектом общественно полезной деятельности (см. структурную и корреляционную связь конструктов, рис. 6). Эти особенности личностных ценностей указывают на низкий уровень развития нравственного сознания у подростков-правонаршителей и могут явиться предиспозицией асоциального, криминального поведения, в том числе и агрессивного.

Мы описали общий для всех испытуемых набор ценностей, выявленный за счет кластеров, имеющих содержательное соответствие у обеих групп (отмечено сплошными линиями между кластерами на рис. 7). Однако у каждой группы обнаружено как частичное соответствие отдельных кластеров – за счет некоторых из входящих в них конструктов (пунктирные линии между кластерами на рис. 7), так и независимые кластеры (не связанные линиями на рис. 7). К первым из них относятся: “уважает других”, “считает: лица женского пола чаще – за наказание преступников” (1-я гр.), “обладает ответственностью перед обществом”, “обладает внешними признаками мужественности” (2-я гр.). Ко вторым – “прогнозирует наказание за использование наркотиков”, “ориентируются на трезвый образ жизни” (1-я гр.), “ориентирован на саморазвитие” (2-я гр.).

Если мы обратимся к кластерам группы лиц с психическими расстройствами и с криминальным поведением, то обнаружим, во-первых, их конкретный уровень [9], “предметный характер” [14, с. 216], а во-вторых – важность тематики, связанной с употреблением алкоголя и наркотических веществ. Первое указывает на недостаточность рефлексии и осознания ценностно-смысловых ориентиров собственной жизни. На основе второго можно представить образ человека, имеющего конфликт между гедонистическими желаниями, которые могут быть удовлетворены с помощью химических веществ, и внешним препятствием к их удовлетворению – вероятностью уголовного наказания. Отмечается также и декларация отрицательного отношения к алкоголю, что связано в первую очередь с негативным жизненным опытом, полученным в семьях, в половине из которых родители злоупотребляли алкоголем. Выявляется и несколько настороженное отношение к лицам женского пола, которые, по мнению данных испытуемых, более склонны одобрять наказание за совершение преступлений, связанных, в частности, и с употреблением наркотических веществ [рис. 6, 7].

Таким образом обнаруживается *экстернальность локуса контроля* подэкспертных, а их уровень развития морали в целом соответствует *доконвенциональному* уровню, на котором эти подростки руководствуются преимущественно собственными побуждениями, при этом до конца не осознают необходимость правовых законов и в качестве их основы, в конечном счете, – гармоничное сочетание прав личности и общества, а также необходимость охраны этих прав. Наказание не воспринимается ими как адекватная мера по отношению к проступку, дающая возможность осознать собственное поведение и скорректировать его на будущее.

Суперординатные конструкты, выявленные у испытуемых с нормосообразным поведением, презентуют образ человека, ответственного перед обществом и ориентированного на саморазвитие. Из этого следует, что данный человек проявляет и *экзистенциальную ответственность* перед самим собой [24, с. 245–250]. По сути это и есть цель гуманистически ориентированной психологии: самоактуализация на основе общечеловеческих ценностей. В данном случае является очевидной *интернальная локализация контроля* [24, с. 177–179]. В целом, моральное развитие имеет прочные корни в традиционной нравственности, *конвенциональной морали* [1, с. 6–7; 30]. Кроме того, в зоне ближайшего развития испытуемых с нормосообразным поведением может находиться и тенденция к созданию собственных нравственных суждений на гуманной основе, т.е. существует вероятность перехода формирования морали к *постконвенциональному* и *обоснованному* общими принципами уровню, – по Л. Колбергу [1, с. 7; 30].

В отличие от нормативных подростков, *уровень развития смысловой сферы подростков с криминальным поведением соответствует эгоили группоцентрическому*, по Б.С. Братусю, не достигая высшего, что наблюдается у обследуемых *контрольной группы*, обнаруживающих *просоциальность уровня* личностно-смысловой сферы с его общественной, личностной и общечеловеческой смысловыми ориентациями [4, с. 100–101]. По мере развития и совершенствования личности, ее смысловой сферы, в том числе и нравственного самосознания, возрастает значимость интернального локуса контроля, механизмов внутренней регуляции и саморегуляции поведения, таких, как совесть, чувство ответственности и сознательности. При благоприятной социализации они с течением времени будут становиться более весомыми по отношению к внешним регуляторам поведения: общественному мнению, нормам, обычаям, традициям, явившимся изначально основой для развития личности.

ВЫВОДЫ

1. Впервые с помощью идеографического метода – техники репертуарных решеток – проведено исследование смысловой сферы у лиц подросткового возраста, как страдающих психическими расстройствами и совершивших насильственные правонарушения, так и у психически здоровых с нормосообразным поведением. Выявлены самостоятельно сформулированные испытуемыми ценностные ориентации и глубинные, неосознаваемые ими.

2. Для несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные деликты, на фоне пониженной дифференцированности, неустойчивости в оценках характерны

недостаточная сформированность смысловой сферы, низкий уровень нравственного сознания, преобладание экстернального локуса контроля. При фрустрированных потребностях в аффилиации и безопасности, основная мотивообразующая жизненная стратегия – “счастье” – связывается ими, в первую очередь, с “физической силой”. Им присуще недостаточное планирование временной перспективы. Нахождение в условиях судебно-следственной ситуации обуславливает осмысление этими подростками общественно-правовых норм.

У них обнаружен ряд общечеловеческих ценностей, носящих характер формально знаемых понятий морального сознания, в отличие от смыслообразующего значения подобных по содержанию ценностей у просоциальных психически здоровых несовершеннолетних.

3. У психически здоровых подростков с нормосообразным поведением выявлены просоциальный уровень развития смысловой сферы с ориентацией на саморазвитие, внутренняя локализация контроля с экзистенциальной ответственностью, интериоризация норм конвенциональной морали.

4. Обнаруженные ценности детерминируют поведение и поэтому позволяют его прогнозировать. Исследование имеет научно-практическую ценность и показывает адекватность применения идеографической психосемантической техники репертуарных решеток в практике судебной экспертизы с открытием новых возможностей для решения вопросов выбора, изменения или отмены мер “принудительного” воспитания и/или лечения (психокоррекции, психотерапии), предусмотренных УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психол. журн. 1999. № 3. С. 5–17.
2. *Артёмьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: МГУ, 1980.
3. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: МГУ, 1990.
4. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
5. *Бэррон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер-Пресс, 1998.
6. *Вострокнутов Н.В.* Патологические формы делинквентного поведения детей и подростков (комплексная оценка, диагностика и принципы организации социально-медицинской реабилитационной помощи): Дис. ... доктора мед. наук. М., 1998.
7. *Дозорцева Е.Г.* Личностное развитие подростков-правонарушителей (зарубежные исследования и психологические концепции) // Российский психиатрический журнал. 2000. № 4. С. 63–70.

8. *Забродин Ю.М., Морозова Г.Б.* Психосемантический подход к исследованию мировосприятия // Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы / Под ред. Забродина Ю.М. и Носова Н.А. М.: Магистр, 1997. С. 177–201.
9. *Зейгарник Б.В., Братусь Б.С.* Очерки по психологии аномального развития личности. М.: МГУ, 1980.
10. *Кудрявцев И.А.* Новые экспертные подходы к освоению уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних // Российский психиатрический журнал. 2000. № 2. С. 40–44.
11. *Кудрявцев И.А., Семенова О.Ф.* Самосознание и жизненные перспективы современных подростков с криминальным и нормосообразным поведением // Российский психиатрический журнал. 2001. № 4. С. 18–22.
12. *Кудрявцев И.А., Морозова Г.Б., Потнин А.С., Корзякова А.Д., Семенова О.Ф.* Психологический анализ смыслообразующих факторов делинквентного поведения подростков // Психол. журн. 1996. № 5. С. 76–89.
13. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение. Норма и патология. М., 1982.
14. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
15. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.
16. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.
17. *Насилие. Агрессия. Жестокость.* Криминально-психологическое исследование / Под ред. А.Р. Радинова. М., 1990.
18. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.
19. *Подростковая судебная психиатрия.* Руководство для врачей / Под ред. Гурьевой В.А. М.: ГНЦС и СП им. В.П. Сербского, 1998.
20. *Попов Ю.В.* Границы и типы саморазрушающего поведения у детей и подростков // Саморазрушающее поведение у подростков. Л., 1991. С. 5–9.
21. *Похилько В.И., Федотова Е.О.* Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.
22. *Семенова О.Ф.* Особенности смысловой сферы несовершеннолетних с психическими расстройствами, совершивших насильственные правонарушения: Дисс. ... кандидата психол. наук. М., 2001.
23. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
24. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
25. *Kelly G.A.* A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs. N.Y., 1963. P. 46.
26. *Kohlberg L.* Essays on Moral Development // The Psychology of Moral Development. N.Y.: Harper & Row; Toronto: Fitzhenry & Whiteside, 1984. V. 2.
27. *Osgood E.Ch.* Lectures on Language performance. Springer-Verlag. N.Y., 1980.
28. *Osuna E., Luna A.* Impulsivity and attention-perception features in relation to juvenile delinquency // J. of forensic sciences. 1989. № 34(5). P. 1235–1245.
29. *Pollock V.E., Briere J., Schneider L., Knop J., Mednick S.A., Goodwin D.W.* Childhood antecedents of antisocial behavior: parental alcoholism and physical abusiveness // Am. J. Psychiatry. 1990. Oct., V. 147(10). P. 1290–1293.
30. *Widom C.S.* The Cycle of Violence // Science. 1989. V. 244. P. 160–164.

SENSE-FORMING IN MINORS SUFFERED FROM MENTAL DISORDERS WHICH COMMITTED VIOLENT CRIMES

I. A. Kudryavtsev*, O. F. Semenova**

**Dr. sci. (psychology), Dr. sci. (medicine), head of laboratory of psychology, State Scientific Center of social and judicial psychiatry named by V.P. Serbsky, Moscow*

***Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., Institute of psychotherapy and clinical psychology, Moscow*

Kelly repertory grid technique was used to assess the sense sphere and values in two groups of adolescents – in minors suffered from mental disorders and committed violent crimes and in normal adolescents. Comparative psychosemantic analysis was made.

There were discriminated semantic spaces differed in content and structurally in two groups of Ss which are related to different ways of world perception. In minors suffered from mental diseases there were found retardation in the sense sphere development and lack of moral maturity. Prosocial character of development in normal adolescents was found, also.

Key words: construct, semantic space, sense sphere, value orientations, minor.